

УДК 81'373

Е. В. Недельчо*Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
elenanedelcho@mail.ru***МОДЕЛИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СВОЁ» И «ЧУЖОЕ»***Статья представляет анализ структурно-семантических моделей русских пословиц со значением «своё» и «чужое», выявляет общие закономерности их структуры и значения.**Ключевые слова: паремия, паремиологическое значение, буквальный и переносный план паремий, структурно-семантические модели, ассоциативные пары.***Ye. V. Nedel'cho***Nekrasov Kostroma State University
elenanedelcho@mail.ru***MODELS OF RUSSIAN PROVERBS WITH
A VALUE OF «OWN» AND «FOREIGN»***The article presents an analysis of the structural and semantic models of Russian proverbs with a value of «own» and «foreign», reveals the general laws of their structure and meaning.**Keywords: paroimia, paroimialogical value, paroimias' literal and figurative plan, structural-semantic models, associative pairs.*

Одним из признаков пословиц (паремий) является афористичность – способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащее более широкую информацию, чем та, которая эксплицитно, непосредственно выражена в его тексте (5, 35). В структуре паремий выделяется два плана: языковой, буквальный, представляющий индивидуальную, частную ситуацию, и паремиологический, переносный, обобщающий различные частные ситуации. Разные по структуре и предметно-образному наполнению пословицы могут передавать одинаковую информацию. Главным является не конкретный образ, а логическая конструкция, формула, модель, которая находит выражение в ряде паремий, имеющих общее паремиологическое значение (2, 17). В связи с этим выделяются различные модели пословиц, объединённых общей идеей.

В основу понятия модели кладётся семантический критерий, что сближает определение модели с понятием фразеологического (в широком понимании) мотива, общей идеи, на основе которой организуются сочетания (3, 53). Возможность выделения таких структурно-семантических моделей объясняется характерным для афористических изречений, паремий изоморфизмом значения и формы, обусловленным адекватностью структуры выражаемых ими обобщающих суждений структуре отражаемых явлений, ситуаций.

Очень многие паремии семантически объединяются в группы, название которых можно представить через противопоставление понятий, важных и значимых для носителей языка: *добро-зло, правда-обман, вера-безверие* и др. Одной из распространённых является группа паремий с противопоставлением понятий *своего* и *чужого*. По общему значению, грамматической организации, образной основе в ней может быть выделено несколько структурно-семантических моделей.

1. «*Чужое, недоступное кажется привлекательнее, чем имеющееся, своё*».

Эту подгруппу составляют следующие пословичные контексты: **В чужих руках ломоть толще; Чужой ломоть велик; В чужой руке кус и толще, и больше; Чужой хлеб кажется слаще калача; В чужом саду яблоки спелее; В чужом огороде огурцы вкуснее; Чужая мука белее молока; Чужая каша маслом мазана; На чужом дворе и курица – с индюка; В чужих руках краюха за ковригу кажется; Свой хлеб приедлив, чужой ломоть лаком; Берут завидки на чужие пожитки.**

Большинство этих пословиц объединено и общностью структуры, и однотипностью лексического наполнения. Человеческая зависть, алчность характеризуется в пословицах через ситуации, в которых подвергаются сравнению самые простые и имеющиеся у всех вещи: яблоки, огурцы, мука, каша, домашняя птица, но главный показатель – хлеб, поскольку испокон веков хлеб считался главной едой, к нему особое уважение (**Хлеб – всему голова**). Общность структуры проявляется в чётком членении текста пословиц на схожие отрезки, фрагменты: а) указание на чужое – б) предмет мысли, речи (подлежащее) – в) его характеристика, оценка (сказуемое), преимущественно это прилагательное в сравнительной степени (*толще, слаще, спелее, вкуснее*). Конкретное лексическое наполнение, составляющее буквальный план паремии, обусловлено ассоциативными связями по месту, признаку-качеству (*огород – огурцы, сад – яблоки, двор – курица* или *огурцы – вкусные, яблоки – спелые, каша – с маслом*). Этот план может составлять любая конкретная лексика. Указание на чужое в данных пословицах одинаковое: во всех присутствует прилагательное *чужой*, но это указание может иметь и другое выражение: *у соседа, Семёна* и т.п. Выявленные закономерности позволяют создать целый ряд новых, окказиональных вариантов пословиц, которые будут соответствовать данной модели (например: **У соседа помидоры краснее; У соседа денег больше; У соседа щи наваристее; Чужие пироги вкуснее**).

«Чужое имущество всегда желанно» – главная мысль паремий этой подгруппы. Пословицы отражают иллюзорное восприятие предмета, находящегося в чужих руках, в чужом доме и т. д. Эта ложность представления, появляющаяся из-за зависти к чужому успеху, богатству, благополучию, подчёркивается алогизмом (*курица – индюк, мука белее молока*), указывающим на эмотивность восприятия, и глагольной связкой модального значения *кажется*. Во всех пословичных контекстах, составляющих эту подгруппу, присутствует антитеза – эксплицитно или имплицитно. Притяжательные прилагательные *свой* и *чужой* образуют тесную семантическую пару, когда употребление одного из них неизбежно предполагает домысливание ситуации, создающейся другим, что поддерживается в ряде контекстов компонентом в форме сравнительной степени. В отношении антитезы вступают и другие компоненты, являющиеся близкими по значению, имеющие в значении общие семы, что и создаёт алогичность: *ломоть* (отрезанный кусок хлеба) – *краюха* (большой ломоть хлеба) – *коврига* (каравай хлеба) – *калач* (пшеничный хлеб в форме замка) – *кус* (кусок), *курица* (домашняя птица) – *индюк*, индейка (крупная домашняя птица).

2. «Своё лучше, предпочтительнее всего».

В эту подгруппу входят такие паремии, как **Чужой хлеб рот дерёт; Своя корка слаще чужого каравай; Свои сухари лучше чужих пирогов; Чужой мёд и тот горек; Всяк кулик в своём болоте велик; Всякая птица своё гнездо хвалит; Всякий купец свой товар хвалит; Свой хлеб сытнее; Всякому своё мило; Всякому мужу своя жена милее; Дитя хоть криво, да отцу-матери мило; Твоё хоть краснее, а своё мне милее; Всякому своё и не мыто бело**.

Закономерности построения данных пословиц те же: употребление одинаковых компонентов – определительного местоимения *всяк* (*всякий*) и притяжательных местоимений *свой* и *чужой*, наличие оценочного компонента, формирующего общее значение модели. Эти оценочные лексемы – *велик*, *мило* (*милее*), *бело* – выступают здесь как контекстуальные синонимы: положительная оценочная коннотация заключена или в самом лексическом значении, или в символическом значении колоративных лексем. Общее значение модели усиливает образность – антитеза (*криво – мило, сухари – пироги, корка – каравай*) и оксюморон (*мёд горек, кулик ‘небольшая болотная птица’ – велик*). Лексическое наполнение в пословицах этой подгруппы также основано на ассоциативных парах: *кулик – болото, купец – товар, муж – жена, птица – гнездо, дитя – отец-мать*. Номинативность функции этих лексем при-

водит к отсутствию подобных пар в ряде контекстов и употреблению субстантивированных местоимений: *своё, твоё, всякому*.

3. «Каждый действует, поступает в своих интересах».

К данной подгруппе относятся следующие пословицы: **Всякая сосна своему бору шумит; Всякий старец в свой ставец; Всякий Демид себе норовит; У всякого Гришки свои делишки; Всякий мастер про себя маслит; Сова о сове, а всяк о себе; Всяк сам про себя хлеба добывает; Вся семья своя, да всяк любит себя; Всякий хлопочет, себе добра хочет.**

«С чужим человеком надо быть настороже, так как он стремится действовать прежде всего в своих интересах», – учат паремии этой модели. Важной особенностью пословиц этой подгруппы является наличие в их структуре определительного местоимения *всяк (всякий)* и имён собственных (*Демид, Гришка*), которые в данных паремиологических контекстах приобретают обобщённое значение, употребляясь для рифмы, и обозначают всех людей и любого из нас. Существительные (*сосна, старец, мастер*) и имена собственные в этих пословицах выполняют чисто номинативную функцию, лишены функции характеризующей, создают ритмическую и эвфоническую организацию пословичного текста, чем объясняется отсутствие в ряде примеров соотносимого слова и субстантивация в этой связи местоимения. Отрицательная коннотация пословиц обеспечивается особой разговорной глагольной лексикой (*норовит, добывает, маслит, хлопочет*) и словообразовательными элементами (*Гришки, делишки*). Это создаёт негативную экспрессивную окраску, вносит в общее значение модели оттенок пренебрежительности.

Таким образом, анализ паремий со значением *своего* и *чужого* с точки зрения значения и формы в их соотношении приводит к выделению ряда структурно-семантических моделей, характеризующихся своеобразием лексического состава, грамматической структуры и образной системы.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2007.
2. Дандис А. О структуре пословицы // Паремиологический сборник. М., 1978.
3. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2011.
5. Черкасский М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремиологический сборник. М., 1978.